

БАРОН ШТЕЙНГЕЛЬ: ИЗ ГЕРОЕВ ВОЙНЫ - В ДЕКАБРИСТЫ

Гладышев В.Ф.

«Гроза 12-го года» оставила неизгладимый след в жизни барона Владимира Штейнгеля, который более всего известен как участник восстания декабристов 1825 года. Нужно внимательно вчитаться в его сочинения, в его «Записки» о походе Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 -1813 года. Вчитаться, вдуматься – и тогда станет понятно направление его мыслей и самой жизни, приведшее героя войны к участию в восстании и закончившееся 25 годами сибирской каторги (впоследствии наказание было смягчено).

Владимир Иванович Штейнгель – уроженец Пермской губернии. Он появился на свет в 1783 году в уездном городке Обва в семье капитан-исправника барона Иоганна Штейнгеля. И хотя прожил будущий декабрист на берегах Камы меньше четырех лет (отца перевели на ту же должность в город Нижнекамчатск), о месте своего рождения он не раз вспомнит, когда будет вспоминать отца и мать в литературно-философских «Записках» (мемуарах).

До войны Владимир Штейнгель служил моряком в чине капитан-лейтенанта. Когда началась война, он сразу решил: будет воевать с врагом, и воевать пришлось на суше.

«Я явился в ряды защитников Отечества и поступил штаб-офицером в 4-ю дружину С-Петербургского ополчения, которой начальником был назначен генерал-майор Кушелев...»

Штейнгель участвовал в сражениях при взятии Полоцка, за которое был награжден орденом св. Анны 2-й степени; при местечке Чашники, за это удостоен ордена Владимира 4-й степени; при реке Березине, награжден орденом Владимира 4-й степени.

В 1813 году капитан-лейтенант В.И. Штейнгель был командирован из Петербургского ополчения в Новгородское, которое участвовало в осаде Данцига. На немецкой земле он воевал столь же достойно, как и на русской. «За разделение опасности с начальником в сражении при занятии предместья Лангфура 2 сентября представлен был к прусскому ордену «За заслуги». А когда Данциг был взят, вновь вернулся в свое ополчение, с которым и закончил победоносно войну.

Побывав в те годы в Германии, он не мог не задуматься о своих корнях, о судьбе своего отца, о тех различиях менталитета двух наций, что вылились в русскую поговорку: «Что русскому здорово, то немцу смерть»...

...Старший барон Штейнгель волею судьбы стоял у самых истоков создания главного города Пермского наместничества. Ведь учреждение Перми, после указа Екатерины, проходило в 1781 году, как свидетельствуют источники, при отличном, просто немецком «орднунг» (порядке)! Можно предположить, что при учреждении столицы наместничества обязательно должен был быть главный распорядитель. И он был – барон Иоганн Штейнгель, который познакомился с генерал-поручиком Евгением Кашкиным в Петербурге. Об этом незаурядном человеке вспоминает в своих «Записках» Владимир Штейнгель.

«Поздравляю, барон, государыня мне вас подарила!», - сказал ему Евгений Петрович при новой встрече, приглашая своего нового знакомого на Урал, учреждать город Пермь и новое наместничество. Фраза эта выдает в Кашкине, умном и энергичном администраторе, еще и чувство юмора. А с чем он поздравляет? Дело в том, что Иоганн Штейнгель как раз искал место, он считал, и справедливо, что заслужил перед русским тронем как минимум денежную должность, если не награду. Барон был рыцарем Красного Орла, а вот русской награды у него еще не было. А ведь за плечами - три года войны с турками, сражения в Запорожской Сечи, две контузии...

Сын-декабрист иронизирует: «Он не знал, что без случая и без денег, в то время как, может быть, и во всякое другое, мудрено было дожидаться заслуженной награды одной честью справедливости».

Генерал-поручик подбирал свою команду. Как считает архивист О.А. Мельчакова, Е.П. Кашкину удалось собрать вокруг себя деятельных, разумных и просвещенных людей, один из них – барон Иоганн Штейнгель, получивший чин поручика и нашедший применение своим глубоким познаниям: он ведь изучал в Лейпцигском университете химию, физику, металлургию. Всю жизнь Иоганн Штейнгель боролся с взяточничеством, пьянством, самоуправством русских чиновников.

А нашел ли барон награду в Перми? Нашел! Главной, лучшей наградой для него стала... молодая жена. Причем рыцарю Красного Орла пришлось преодолеть немало препятствий, в том числе внутри себя, чтобы добиться руки своей избранницы.

Дело в том, что 30-летний Иоганн Штейнгель с первого взгляда влюбился в дочку купца Разумова. По тем временам такой брак был невозможным, предосудительным делом, ну что вы! Как пишет сын, у барона были «сердечные» обязательства, сделанные сначала в Германии и потом в России, причем «узелок завязывался» с благородными девицами. А тут вдруг - купеческая дочка. Да еще в Перми был соперник, другой искатель руки его возлюбленной, дело у них чуть не дошло до дуэли. И тогда барон... похищает свою красавицу. Вполне по-гусарски. Похитил и, наконец, обвенчался с ней.

И это, наверное, была лучшая церемония в жизни пермского церемониймейстера, бывшего немецкого рыцаря.

Вспоминая смерть отца (он умер в 1804 году, заболев после пожара), Владимир Иванович сожалел: «По сие время не удалось мне быть на его могиле (в Тамбовской губернии, в имении барона Николаи, управляющим которого служил отец – В.Г.). И если, вопреки желаний моих, не удастся и на будущее время жизни моей ни самому быть, ни памятник пристойный над ним соорудить, то возлагаю это на обязанность вашу, любезнейшие дети мои: утешьте тень деда вашего и вместе успокойте тень отца своего, коего священный долг вы тогда приведете в исполнение».

Как же оказался Владимир Штейнгель в рядах мятежников? С немецкой обстоятельностью анализируя причины возмущения, он сам, в частности, называет среди прочих и эту: разочарование в государе, в самом самодержавном правлении.

В своих письмах, петициях новому императору (Николаю I) он пытается объяснить противоречие, которое привело многих умных, честных людей, недавних защитников Отечества, на Сенатскую площадь. Противоречие он видит в Александре I. Высоко оценивая личность императора, «его действия и намерения в начале царствования, твердость его при всеобщем бедствии 1812 года, его кротость в блеске последующей затем славы, человеколюбие его во время последнего наводнения (Невы – В.Г.)», Штейнгель тем не менее приходит к выводу, что правление его было пагубно для России, тягостно для всех сословий.

Противоречие в том, что государь – ангел, а народу его тяжело жить, невозможно жить от распоряжений правительства от имени императора. По замечанию В.Штейнгеля, народ приписывает тяжкое противоречие неким лицам, министрам, то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву...

Критично относится барон и к попыткам реформ. «Влияние Сперанского на дела, - пишет Владимир Иванович молодому царю, - ознаменовалось учреждением комиссии погашения долгов, началом изобретения новых налогов, обложением купцов усугубленной податью с капиталов, установлением торговых книг, учреждением о торгующих крестьянах, которым подорван кредит внутренней торговли, и новым образованием Комиссии составления законов, которые до сих пор... не могли быть приведены в действие». Все это, а главное, отсутствие конституционных основ превратило цвет русского офицерства, недавних защитников Отечества в диссидентов-мятежников.

Но они мечтали посвятить «души прекрасные порывы» только своей Отчизне, своему бедному народу.

...Мать В.И. Штейнгеля в те годы снова жила в Перми. Получилось это так. После смерти своего супруга она имела неосторожность сжечь некоторые его бумаги. В том числе исчез в огне и

вексель на 4 тыс. рублей, присланный ему бароном Николаи для получения денег. Это обстоятельство расстроило отношения ее с бароном. Однако Николаи, из признательности покойному за хорошее управление и умножение доходов его имения, исходатайствовал вдове половинный пенсион ее мужа (200 рублей). Взяв свою дочь Танюшку, которая находилась на воспитании у барона, вдова удалилась в Пермь, где купила домик, похожий на хижину, и в нем поселилась. Владимир Иванович Штейнгель этот поступок матери оценил так: «Я слышал от нее, что сей совет дал ей граф Штейнгель (родственник-В.Г.), сказав о предложении барона Николаи: «Лучше щей горшок, да сам большой!» Не мое дело судить поступок в сем случае матери моей: но нельзя равнодушно принимать оный из любви к сестрам, кои по таковому ее, на честолюбии основанному действию, лишились воспитания, к которому предстоял самый благоприятный случай...»

Ну, что тут скажешь? Похоже, опять пресловутая разница менталитетов. Что русскому здорово... О Перми и пермяках Владимир Иванович будет еще не раз толковать в Москве, после ее освобождения от французов. Дело в том, что после войны он служил адъютантом Московского генерал-губернатора Торماسова, принимал участие в восстановлении древней столицы, в реставрации Кремля, в возведении манежа. А непосредственное руководство восстановительными работами государь возложил на бывшего пермского губернатора Карла Модераха.

В Москве они и встретились, Штейнгель и Модерах, два обрусевших немца, посвятивших свои лучшие годы России, своей новой Родине.